

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'272+81'42

ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 19.00.05; 16.21.29

Код ВАК 15.41.21; 10.02.21

К. В. Злоказов

Екатеринбург, Россия

ВОСПРИЯТИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА СУБЪЕКТАМИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ДЕСТРУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ²

Аннотация. Описываются результаты эксперимента по предъявлению экстремистского видеофрагмента. Изучаются особенности динамики образов «враг» и «друг» у субъектов с различным уровнем деструктивной установки под влиянием просмотра видеофрагмента. Рассматривается степень согласованности (связи) экстремистских утверждений в группах испытуемых с высоким и низким уровнем деструктивной установки.

Ключевые слова: экстремистский текст; восприятие видеофрагмента; личность; деструктивная установка.

Сведения об авторе: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

Место работы: Уральский юридический институт (Екатеринбург).

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, к. 325.
e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

В психолингвистике обоснованным является представление о том, что pragматический потенциал текста определяется индивидуально-психологическими свойствами субъекта, опытом его жизни, психическим состоянием и другими особенностями. Действительно, анализ содержания текста дает возможность лишь приблизительно описать коммуникативный эффект, связанный со структурой самого текста, его организацией и сопутствующими характеристиками. Появление новых жанров не только позитивный процесс, свидетельствующий о развитии языка, но и негативный, в случае если автор ориентируется на формирование асоциальных идей, стремится к формированию вражды, розни по отношению к представителям других социальных групп, отличающихся по

национальному, религиозному, культурному и прочим признакам. Жанр экстремистского текста, несущего публичный коммуникативный характер, является предметом психолингвистического анализа. Л. Н. Голиков приписывает экстремистскому тексту две коммуникативные цели: принуждение к выполнению определенных действий и формирование внутреннего убеждения воспринимающего [Голиков 2012]. Семантический уровень экстремистского текста характеризуется контрастностью, облегчающей восприятие и сводящейся к обозначению участников оппозиции и уточнению образов «Враг — друг». Вариативность же образов врага в экстремистском тексте, как показывают исследования М. Б. Ворошиловой, достаточно широка, и иногда требует от вос-

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

© Злоказов К. В., 2014

принимающего дополнительного внимания к деталям текста [Ворошилова 2012]. Подобную роль выполняет тег файла (название), текстовые пояснения, часто сопровождающие текст и сужающие спектр возможных интерпретаций. Ранее нами рассматривались аспекты восприятия экстремистского креолизованного текста, в том числе в зависимости от их содержания, способа организации видео- и аудиоряда. В данной статье предмет будет расширен и уточнен: нас интересует содержание образов «Враг» и «Друг» в связи с восприятием экстремистского текста и имплицитными социально-психологическими установками экстремистско-деструктивной направленности.

Для изучения социально-психологических установок нами использовались анкета экстремистско-деструктивных установок [Суслонов, Злоказов 2013], специально разработанные анкеты оценки образов врага и друга — «Враг» и «Друг», содержащие открытые вопросы о сущности образа, его структуре и признаках. Образцом экстремистского текста выступал видеофрагмент «Русское сопротивление — время пришло».

Заранее, за несколько дней до проведения эксперимента, группа испытуемых ответила на вопросы анкеты экстремистско-деструктивных установок с целью исключить интерференцию составляющих видеофрагмента и ответов испытуемых. Перед проведением эксперимента группа была разделена на две части. Непосредственно в ходе эксперимента группе испытуемых предлагалось оценить образ врага и образ друга, представив пять его характеристик, далее просмотреть видеофрагмент и после просмотра еще раз ответить на вопросы анкеты «Враг» и «Друг». После завершения данной работы в обеих подгруппах была поставлена задача воспроизвести призывы из текста, а также произвести субъективную оценку полезности информации, обоснованности действий главных героев, актуальности в повседневной жизни идей, мыслей, действий, демонстрируемых в видеофрагменте. Выбор видеофрагмента осуществлялся нами с учетом таких эмпирических параметров, как точность презентации смысла, позитивная социализированная оценка, высокий уровень ассоциации опыта, описанных нами ранее [Злоказов 2011].

Выбранный видеофрагмент представляет собой пятиминутный сюжет, имеющий логически последовательную конструкцию. Первая треть видеофрагмента объединяет новостные сообщения о преступлениях, совершенных гражданами Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана в отношении

женщин и детей в Москве, и завершается текстовыми обращениями к зрителю: «и ЭТО происходит» / «на ТВОЕЙ земле» / «в ТВОЕМ городе» / «в ТВОЕЙ стране». Далее происходит изменение фона с бордово-красного на бело-желто-черный, сопровождаемое демонстрацией фраз: «трусливо промолчишь?» / «оставишь дело милиции?» / «понадеешься на продажную власть?». На фоне различных полос белого, желтого и черного цветов появляются фразы: «есть ТЕ, кто даст отпор» / «кто отомстит». Возникают кадры, на которых изображены спортзал и выполняющие физические упражнения со штангой обнаженные по пояс коротко стриженные и бритоголовые молодые люди.

В завершающей части видеофрагмента, длившейся две с половиной минуты, приводятся новостные сюжеты о нападениях на граждан Киргизии, Таджикистана, судебных процессах в связи со взрывами на Черкизовском рынке в Москве. На этом участке видеофрагмента зрителю демонстрируются следующие фразы: «пока ты молчишь, мы выражаем ВОЛЮ народа» / «Мы молодость русской нации» / «Мы боремся за будущее РУССКОГО народа».

Планируя исследование, мы предполагали, что интерпретация видеофрагмента будет сопровождаться изменением характеристик образов, уже сформированных у субъекта, причем степень изменения будет определяться семантической близостью элементов видео и стимульного материала. Руководствуясь существующими представлениями о ксенофобическом характере видео, испытуемым предлагалось сформулировать характеристики образов «враг» и «друг» и детализовать их — обозначить не менее пяти вариантов объектов, являющихся врагом и другом, указать не менее пяти признаков образа врага и друга.

Были опрошены студенты 2 и 3 курсов Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (всего 79 человек). Выборка равномерно распределена по половому признаку (51 % юношей, 49 % девушек). Возраст опрошенных имеет следующие характеристики: $x = 20$ при $\sigma = 1,29$.

Полученные в ходе исследования эмпирические результаты были подвергнуты математико-статистической обработке с применением программы «Statistica for Windows 6.0».

Опишем динамику составляющих образов «Враг» и «Друг» в связи с просмотром видеофрагмента экстремистской направленности. Отметим, что до просмотра испытуемые обозначали составляющие образы наиболее обобщенно, в основном рассматривая социально желательную тематику.

Образ врага включает в себя следующие характеристики (сгруппированы по сферам в таблице 1).

После просмотра видеофрагмента составляющие образа врага практически полностью (4 утверждения из 5) изменились у 27 % опрошенных, образа друга — у 18 %. Так, враждебность определялась по фактору криминальности (преступность, убийства, терроризм) в 61 % ответов, социальных девиаций (наркотики, алкоголь, хулиганство) — в 34 %, характеристик, сходных с описанными до просмотра — в 5 %. Образ друга после просмотра видеофрагмента был структурирован следующим образом: 41 % — социально-психологические характеристики (толерантность, сострадание, коммуникабельность); 33 % — качества личности (обдуманность, рациональность); 26 % — характеристики, сходные по содержанию с описанными до просмотра. Таким образом, влияние видеофрагмента прослеживается в изменении образа врага и друга и проявляется в замене составляющих, в увеличении частоты применения криминальных и девиантных обозначений.

Таблица 1
Образ врага, %

Параметр	Значение
Негативные качества личности (лень, упрямство, трусость, неуверенность)	32
Коммуникативные характеристики (вспыльчивость, агрессивность, нетерпеливость)	24
Интеллектуальные характеристики (глупость, тупость, скудоумие)	17
Соматические и психические состояния (болезнь, усталость, слабость)	16
Социальные девиации (преступность, алкоголь, наркотики, деградация общества)	7
Политические и экономические причины (бедность, налоги, коррупция)	4

Таблица 2
Образ друга, %

Параметр	Значение
Качества личности (трудолюбие, доброта, любовь, заботливость)	29
Социально-психологические характеристики (терпение, сострадание, общительность)	21
Интеллектуальные характеристики (компетентность, интеллект, рассудительность)	20
Общественные структуры и их представители (семья, институт, сотрудники МВД)	19
Политические и экономические факторы (деньги, достаток, стабильный доход)	11

Устойчивость образа изучалась ретестированием группы испытуемых в количестве 27 человек. Им через неделю после проведения эксперимента другим исследователем было предложено определить характеристики образа врага и друга по той же инструкции, что и ранее. Содержание полученных образов статистически значимо не отличалось от полученного до просмотра видеофрагмента, однако удельный вес категории «социальные девиации» увеличился с 7 % до 16 %, что говорит о расширении ее презентации у опрошенных, об актуализации и структурировании негативных объектов. В дальнейшем изучение устойчивости структуры и содержания образов экстремистского текста будет уточнено путем введения дополнительных уровней измерения (когнитивного, аффективно-оценочного, поведенческого), изучения когнитивно-мнемонической сферы опрашиваемых.

Была проведена оценка уровня экстремистско-деструктивных установок у тех участников исследования, образ врага у которых после просмотра включал в себя характеристики, приписываемые в видеофрагменте преступникам таджикской, узбекской и киргизской национальности («хачи», «черное быдло», «звери»). Для этой группы характерны повышенные значения по показателям «деструктивность» при нахождении результатов по шкалам «национализм» и «ксенофобия» в верхнем (повышенном) диапа-

зоне нормы.

Сопоставление средних значений установок «национализм» и «ксенофобия» с использованием У-критерия Манна — Уитни в группах с высоким и низким значением деструктивности не показало наличие статистически значимых различий по этим шкалам. Полученный результат может быть объяснен в том числе и слабостью экспериментального плана — недостаточным количеством участников: в группу с высоким уровнем деструктивности входило 13 человек, с низким — 11.

Для дополнительной проверки предположения о возможном влиянии уровня деструктивности личности на восприятие экстремистского текста нами было проведено измерение степени согласия испытуемых с экстремистскими призывами. Для этого были отобраны 12 тезисов, наиболее часто встречающиеся в видеофрагментах экстремистской направленности, являвшихся предметом судебной психолого-лингвистической экспертизы (62 видеофрагмента, 2006—2013 гг.). Смысл утверждений оценивался 25 экспертами, в числе которых были сотрудники центров противодействия экстремизму У(ГУ) МВД России различных федеральных округов. Согласованность мнений экспертов о направленности утверждений составила 0,90 (применялся критерий а Кронбаха), что достаточно для подтверждения непротиворечивости содержания и соответствия текстов экстремистскому дискурсу. По результатам обобщения показателей частоты выбора утверждений и их понятности в исследование были включены только шесть:

- «Я против того, чтобы мои дети или внуки вступили в брак с человеком другой национальности, религии или культуры»;
- «Я не смогу нормально работать с руководителем другой национальности, разделяющим взгляды другой религии или культуры»;
- «Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершаются иностранными мигрантами»;
- «Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре»;
- «Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства»;
- «Думаю, что для решения многих социальных проблем было бы неплохо выгнать всех мигрантов и переселенцев».

В ходе анкетирования испытуемым предлагалось выразить свое согласие с утверждениями. Для оценки использовалась пятибалльная шкала, где пять баллов означало исключительное согласие, а один балл —

несогласие.

Выборку испытуемых для этой части исследования составили учащиеся 10—12 классов учреждений среднего образования, профессиональных училищ и техникумов городов Екатеринбурга, Ревды, Каменска-Уральского — всего 980 человек. Возраст, вид образования, социальный статус опрошенных выбран на основании криминологической характеристики лиц, обвиняемых и осужденных по статье 282 УК РФ, а также состоящих в группировках экстремистской направленности [Меркуьев, Агапов 2013]. Математико-статистический анализ подтвердил презентативность, гомогенность выборки по полу и нормальность распределения ответов испытуемых по шкалам методик, используемых в исследовании.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было рассчитано влияние уровня деструктивной установки опрошенных на согласие с экстремистскими высказываниями ($F = 2,98$ при $p < 0,001$). Характер влияния проиллюстрирован рисунком 1.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что испытуемые с высоким уровнем согласия с экстремистскими утверждениями характеризуются высоким уровнем деструктивных установок, и наоборот: отрицание большинства предъявленных экстремистских высказываний наблюдается у лиц с низким уровнем деструктивности.

Представление данных по выборке в виде трехмерной гистограммы дает более точное представление об эффекте (см. рис. 2). Высокие значения деструктивности (7—9 баллов из 9 возможных) характерны для испытуемых, проявляющих согласие с большинством из экстремистских высказываний.

Деструктивность в рамках этого исследования рассматривалась как форма поведения, ориентированная на причинение ущерба окружающим.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что испытуемые с высоким уровнем согласия с экстремистскими утверждениями характеризуются высоким уровнем деструктивных установок, и наоборот: отрицание большинства предъявленных экстремистских высказываний наблюдается у лиц с низким уровнем деструктивности.

Представление данных по выборке в виде трехмерной гистограммы дает более точное представление об эффекте (см. рис. 2). Высокие значения деструктивности (7—9 баллов из 9 возможных) характерны для испытуемых, проявляющих согласие с большинством из экстремистских высказываний.

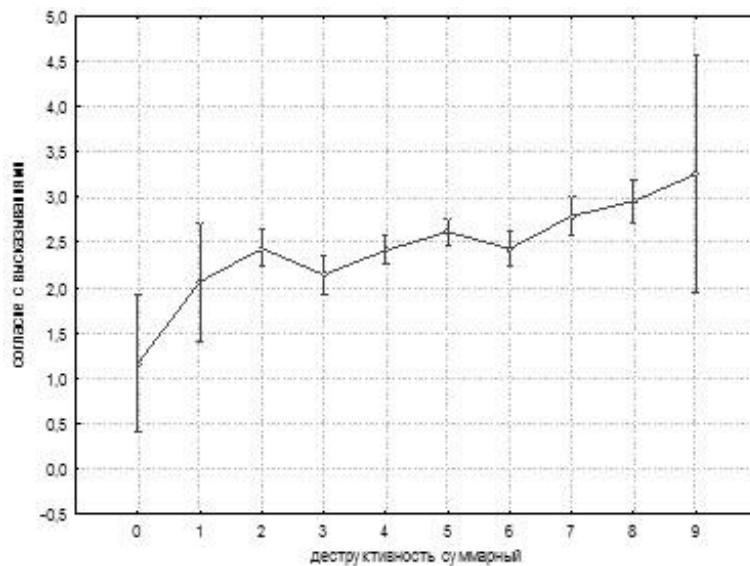

Рис. 1. Влияние уровня деструктивных установок респондентов на степень согласия с экстремистскими высказываниями

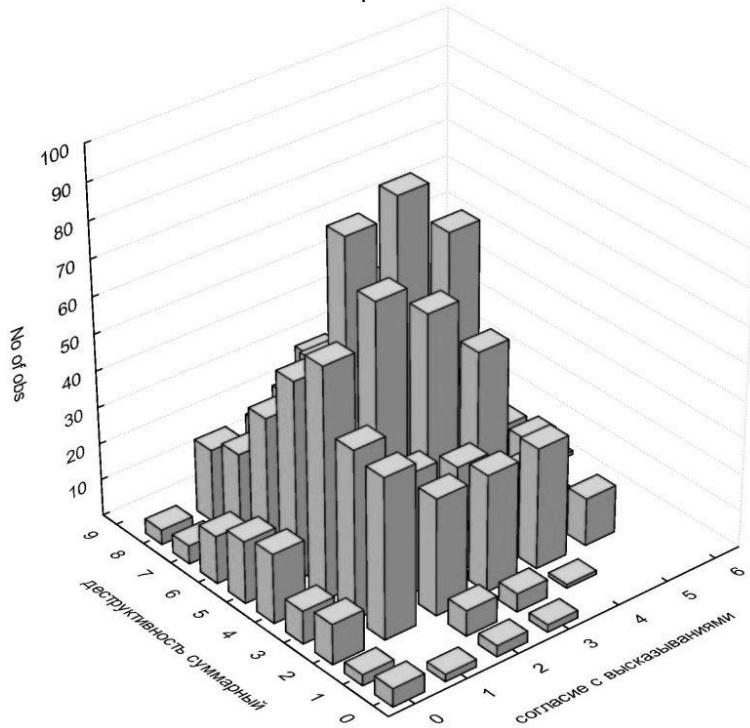

Рис. 2. Оценка уровня деструктивной установки в связи с согласием с экстремистскими высказываниями

Деструктивность в рамках этого исследования рассматривалась как форма поведения, ориентированная на причинение ущерба окружающим.

Деструктивная установка характеризует стремление субъекта к уничтожению, разрушению объектов социального мира. К таким объектам относится система социальных отношений, норм и правил, деятельность общественных институтов. Деструктивная установка в нашем понимании не

просто иррациональная форма агрессии, а скорее способ самовыражения, обозначение субъекта, в наиболее общем виде — способ построения его идентичности. Разрушение приводит к структурированию индивидуальности, пересмотру отношений между субъектом и обществом. Деструктивная установка преимущественно асоциальна, а ее цель, как правило, не связана с содержанием деструктивной активности. Традиционно считается, что уровень установки ока-

зывают влияние на характер действий субъекта, способ их регуляции, эффективность [Аверин 1999]. Описывая влияние деструктивной установки на степень согласия с экстремистскими высказываниями, охарактеризуем связи внутри блока экстремистских утверждений. Степень связи будет свидетельствовать о согласованности, целостности экстремистских убеждений субъектов и тем самым косвенно свидетельствовать об уровне сформированности установок — вплоть до готовности субъекта к совершению конкретных действий. Также связь утверждений можно интерпретировать как симптомокомплекс экстремистской установки, раскрывающий ее содержание.

Для изучения нами был проведен расчет ранговой корреляции между показателями

согласия испытуемых с утверждениями (путем расчета R Спирмена; результаты по группам представлены в таблице 3).

Из таблицы следует, что в группе со значением показателя деструктивности 8—9 (обозначенного в таблице как «высокий») статистически значимо коррелируют 4 утверждения, в группе со значением показателя деструктивности 1—3 (низкий уровень) значимых корреляций не установлено.

Испытуемые с высоким уровнем деструктивности стремятся к максимальному удалению от представителей другой национальности религии, культуры — они отрицают возможность установления семейных и профессиональных отношений ($R = 0,82$), предположительно из-за неспособности этих лиц соответствовать привычному укладу жизни ($R = 0,81$).

Таблица 3

Связь утверждений экстремистского характера в группах с высоким ($n = 216$) и низким ($n = 192$) уровнем деструктивной установки

Утверждения	Утверждения							
	Уровень деструктивной установки							
	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий	высокий
Я не смогу нормально работать с руководителем другой национальности, разделяющим взгляды другой религии или культуры	0,13	0,82						
Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершаются иностранными мигрантами	0,21	0,60	0,00	0,72				
Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре	0,23	0,81	0,07	0,85	0,21	0,68		
Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства	0,27	0,58	0,17	0,75	0,15	0,44	0,03	0,66

Примечание: значимые корреляционные связи выделены, значения округлены до двух знаков после запятой.

Представление о том, что иностранные мигранты являются причиной преступности, значимо связано с утверждением о невозможности их адаптации к условиям социальной среды ($R = 0,68$) и указанием на них как на причину кризисной ситуации в российском обществе ($R = 0,44$).

Отметим, что в группе испытуемых с низким уровнем деструктивности значимых корреляционных связей между утверждениями не выявлено, что, вероятно, свидетельствует об их разобщенности и диффузии, отсутствии симптомокомплекса ксенофобических установок, характерного для представителей описанной ранее группы.

Подведем итоги. Понимание текста — процесс, тесно связанный с психологическими особенностями субъекта, его актуальными переживаниями, степенью удовлетворения потребностей либо фрустрацией, психоэмоциональным состоянием. Изучение особенностей понимания экстремистского текста — важное в научном и прикладном смысле направление комплексных психолингвистических исследований, поскольку прагматика экстремистского текста асоциальна, а с правовой точки зрения является предметом уголовного преследования. Актуальность исследования экстремистского текста в наших работах обусловлена сосредоточенностью на изучении прежде всего перлокутивного потенциала в модификации смысловых структур реципиентов.

Исследование прагматики экстремистского текста в данной статье сконцентрировано на оценке образно-смысловой картины интерпретируемого текста. В работе рассматривались результаты экспериментального исследования содержания образов «Враг» и «Друг», модифицированных восприятием экстремистского текста и социально-психологическими установками экстремистско-деструктивной направленности.

Наша эмпирическое подтверждение динамика образов «Враг» и «Друг» под влиянием видеофрагмента экстремистского содержания; установлено, что устойчивость структуры и содержания образов во времени связана со способами подкрепления и механизмами запоминания информации. Определено, что уровень деструктивной установки в изученной выборке влияет на степень согласия с экстремистским текстом ($F = 2,98$ при $p < 0,001$). Высокий уровень деструктивной установки приводит к объединению (корреляции) экстремистских высказываний, росту ксенофобии по отношению к представителям других национальностей, религии, культуры. Можно предположить, что высокая деструктивность обусловлена внутренней

готовностью респондентов противодействовать чужому для них опыту идентичности, разрушать его не только пассивно (отчуждением), но и силовыми методами. В психологических исследованиях отечественных и зарубежных ученых устанавливаются особенности субъектов деструктивной направленности. Отмечаются такие черты личности и характера, как агрессивность, жестокость, хладнокровие, мстительность, дерзость, садизм, расчетливость, замкнутость, повышенная импульсивность поведения, исключительный цинизм, эгоизм и максимализм, страх, озлобленность, неуравновешенность, снижение оптимизма в отношении к жизни как высшей ценности человека [Мусаелян 2010].

Деструктивная установка влияет на мировоззрение личности, способствует отчуждению от общественно значимых ценностей, интересов и идеалов традиционной культуры, формирует сужающее сознание экстремиста, чрезмерно акцентрирующееся на определенных ценностях и смыслах. Сознание деструктивной личности ригидно, прямолинейно, ограничено набором четких конструкций, структурированных вектором деструктивной направленности. Обобщая сказанное, предполагаем, что конструкция экстремистского текста в его неразрывной связи с личностью будет восприниматься эффективнее, если структура текста будет соответствовать особенностям сознания и восприятия деструктивной личности. Данная гипотеза формулируется нами на основе положения о связи структуры созданного личностью текста и черт акцентуированной личности [Белянин 2006]. Дальнейшим направлением исследования будет анализ когнитивной, аффективно-оценочной и поведенческой составляющей смысловой картины экстремистского текста в зависимости от уровня деструктивной установки. Предполагается, что интерпретация экстремистского текста в результате построения смысловой структуры текста может быть описана в виде нескольких типов эмоционально-смысовых доминант и, в дальнейшей исследовательской перспективе, связана с лексико-семантическими предикторами деструктивной установки читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин В. А. Психология личности : учеб. пособие. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999.
2. Белянин В. П. Психолингвистическая идентификация типологических черт личности в художественных текстах : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 «Общ. психология, психология личности, история психологии» / МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 2006.

3. Ворошилова М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : вторая интернет-конф. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/voroshilova_m_b_chernaja_chuma_nominacii_vraga_v_ekstremistskom_tekste/5-1-0-119 (дата обращения: 21.08.2013).
4. Голиков Л. М. Семиотика экстремистского текста // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. 2012. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ekstremistskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 02.03.2013).
5. Злоказов К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 210—216.
6. Меркульев В. В., Агапов П. В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества // Криминологический журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 1. С. 26—35.
7. Мусаелян М. Ф. О личности экстремиста // Военно-юрид. журн. 2010. №2. С. 22—23.
8. Суслонов П. Е., Злоказов К. В. Методика проведения социально-психологических исследований по проблемам экстремизма и деструктивности в молодежной среде // Российский науч. журн. 2013. № 5 (36). С. 219—224.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова